755
389

93
B298

bb
3824

Протоіерей А. А. Бѣляевъ.

По поводу современной войны.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

255
389

Протоіерей А. А. Бѣляевъ.

По поводу современной войны.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915.

Оттискъ изъ журн. „Христіанинъ“. Февраль. 1915 г.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 25498 1966

По поводу современной войны.

Настоящая кровавая война поставила предъ общественнымъ сознаніемъ вопросъ, настойчиво требующій рѣшенія: почему нѣмцы, одна изъ образованныхъ европейскихъ націй, во время войны заявили себя такими проявленіями грубаго звѣрства, людского одичанія, какія свойственны только самымъ грубымъ варварскимъ племенамъ. Различіе между первобытными дикарями и давно культурными нѣмцами будетъ состоять только въ томъ, что звѣрскія склонности дикихъ зависятъ отъ ихъ некультурности, а звѣрства культурной націи развились въ цивилизованной странѣ, гдѣ начала исповѣдуемой религіи и гуманитарныя стремленія науки и всей европейской цивилизаціи, повидимому, не могли бы создать настойчиво проводимую и правителями, и управляемыми систему убійствъ мирныхъ жителей, насилія, грабежа, разоренія христіанскихъ святынь и уничтоженія памятниковъ искусства и науки. Эта система, какъ проявленія безумія, овладѣвшаго цѣлою націею, подорвала цѣнность прославленной германской культуры и вызвала взрывъ негодованія въ лучшей части человѣчества. Современное сознаніе встрѣтилось съ фактомъ поразительнымъ въ жизни культурнаго человѣчества, но, нужно прибавить, не новымъ. Нѣмецкое звѣрство и одичаніе ярко обнаружились во время франко-прусской войны и въ умахъ лучшихъ людей нашего общества вызвали сомнѣніе въ цѣнности германской культуры. «Вотъ изъ нѣдръ циви-

лизаціи, въ самомъ сердцѣ Европы, народилось въ XIX вѣкѣ чудовище матеріальной грубой силы, не знающей мѣры своимъ притязаніямъ», писалъ Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» въ 1870 году. «Прославленная цивилизація дала только усовершенствованныя орудія убійствъ и софистическую діалектику для оправданія варварской политики завоеванія и грабежа. Что же уважать въ человѣчествѣ? Да наука не дѣлаетъ людей лучшими. Примѣръ предъ глазами. У кого наука оказала столько успѣховъ, какъ у нѣмцевъ? И что же? Посмотрите, каковы они въ упоеніи своихъ побѣдъ надъ австрійцами и французами. Недалеко ушло человѣчество на пути такъ называемаго прогресса! Куда дѣвались, напримѣръ, прославленныя глубокія, философскія, гуманныя стремленія въ наукѣ нѣмцевъ? И вообще, много ли содѣйствовала наука къ истинному, существенному улучшенію человѣка, если онъ попрежнему остается такимъ же рабомъ своихъ животныхъ влеченій. Нѣтъ! вся наша настоящая цивилизація, нашъ прогрессъ и наша наука,—все это пустыя слова и человѣчество находится еще на очень низкой степени развитія, несмотря на свои желѣзныя дороги, машины, свои фабрики, политическую экономію. Я не спорю, что все, что есть, есть такъ, какъ должно быть, что иначе оно и быть не можетъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ кричать о величіи вѣка, о чудныхъ успѣхахъ науки, о прогрессѣ и проч. Вѣдь, все это грубая, пошлая ложь, блескъ снаружи и смрадъ внутри». «Пруссаки грабятъ, жгутъ, разстрѣливаютъ народъ, ибо арміи нѣтъ», писалъ другой современникъ войны 1870 года. Такъ вотъ чѣмъ разрѣшилась пресловутая германская культура и эти временщики случайности думаютъ владычествовать надъ міромъ и основать какую-то чудовищную имперію. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, чтобы быть или не быть этой фуріи, а въ томъ, что она успѣетъ надѣлать еще много пакостей и чего добраго Россіи, своей наивной сосѣдкѣ».

Поразившій въ 1870 году умы русскихъ людей фактъ, что нѣмцы, несмотря на свою вѣковую куль-

туру, заявили себя народомъ варварскимъ, стоящимъ на очень низкой степени развитія, въ свое время мало обратилъ на себя вниманіе нашего общества. Мы продолжали усиленно преклоняться предъ нѣмецкою культурою, видя только ея хорошія стороны и не замѣчая, что подъ наружнымъ блескомъ скрывается смрадъ внутри. Мы продолжали уважать нѣмца за его хорошія качества умственныя и нравственныя и не предполагали, что эти качества могли вдругъ исчезнуть и въ добродушномъ и порядочливомъ нѣмцѣ мы встрѣтимъ звѣря. Настоящая война обнаружила во всей наготѣ фактъ не новый, но теперь уже твердо установленный, — фактъ духовнаго одичанія и нравственнаго разложенія нѣмцевъ. Въ настоящее время русская общественная мысль занята объясненіемъ этого трудно-объяснимаго факта. «Мы бьемся надъ разрѣшеніемъ единственной въ исторіи психологической загадки»,—пишетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» кн. Ев. Трубецкой. «Великій народъ внезапно натолкнулся на какой-то роковой предѣлъ, за которымъ кончаются его добродѣтели и положительныя качества, какъ нравственныя, такъ и умственныя. Здѣсь все превращается въ свое противоположное,—и человѣкъ, и мыслитель, и нравственность, и элементарная предусмотрительность; культура отлетаетъ, а вмѣсто нея воцаряется озвѣреніе и безуміе. Что это за предѣлъ германскаго генія? Выясненіе его сущности имѣетъ для насъ теперь интересъ не теоретическій только: успѣшность нашей борьбы съ Германіей въ настоящемъ и будущемъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ мы поймемъ и усвоимъ заключающійся здѣсь жизненный урокъ» [1]). Болѣе надежный путь къ разрѣшенію психологической загадки, какую задало намъ необычное переживаемое нами время, мы можемъ найти, если обратимся къ прошлому и тамъ будемъ искать нужныхъ для насъ объясненій.

Духовное одичаніе нѣмца началось давно, вмѣстѣ

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1914. Декабрь, № 278—279.

съ упадкомъ вѣры христіанской въ Германіи. Основное начало христіанской жизни и мысли, которое ведетъ человѣка на всемъ его жизненномъ пути—отъ вступленія въ церковь до гроба; сознаніе своей грѣховности и виновности предъ Богомъ было нѣмцами забыто въ жизни и отвергнуто въ мысли. Это сознаніе служитъ началомъ истиннаго прогресса, стремленія къ идеалу, источникомъ доброжелательнаго отношенія къ другимъ и даже врагамъ. Протестантство способствовало утратѣ этого сознанія тѣмъ, что отвергло въ христіанствѣ религіозный культъ и замѣнило его проповѣдью, какъ единственнымъ средствомъ устроенія духовной жизни человѣка. Отверженіе литургіи, какъ безкровной жертвы, приносимой съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ за всѣхъ и за вся, по преданію и духу православія, лишило протестантство благодатнаго средства къ устроенію человѣка, здѣсь—на землѣ и на небѣ, средства даннаго сшедшимъ съ небесъ и воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Литургія, какъ жертва, приносимая вѣрующими со Христомъ съ тѣми чувствами и расположеніями, съ какими приносилъ Себя въ жертву Спаситель міра, не есть только никогда неумолкающая проповѣдь Сына Божія, но, по словамъ нашего вдохновеннаго богослова, есть дѣло Божіе, превосходящее своимъ величіемъ всѣ дѣла Божія на землѣ. «Литургія подвизаетъ къ самоотверженію, подвигамъ любви, милосердія и состраданія, соединяетъ всѣхъ въ одинъ союзъ братства, въ одинъ союзъ небо и землю, Ангеловъ и человѣковъ» [1]). Въ краткомъ художественномъ словѣ русскаго генія Гоголя, прекрасно выражено великое значеніе литургіи для культурнаго развитія человѣка. «Дѣйствіе Божественной литургіи велико, зримо и воочію совершается, въ виду всего свѣта и сокрыто. Если только молящійся благоговѣйно и прилежно слѣдитъ за всякимъ дѣйствіемъ, душа его пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы,

[1]) „Моя жизнь во Христѣ“, о. Іоанна Кронштадтскаго, Т. VI, стр. 62.

иго Христово и бремя легко. А потому для всякаго, кто только хочетъ итти впередъ и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, частое посѣщеніе Божественной литургіи.

Она нечувствительно строитъ и созидаетъ человѣка и если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышатъ полною непримиримою ненавистію между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная литургія, напоминающая о святой, небесной любви къ брату». Идейная любовь къ людямъ, внушаемая и христіанскою проповѣдію и системами христіанской морали въ жизни весьма часто совмѣщается не только съ безучастнымъ, но и презрительнымъ отношеніемъ къ человѣку, какъ брату. Небесная любовь къ человѣку, какъ брату, насаждетъ въ душѣ человѣка свыше, сокрытымъ для взора дѣйствіемъ Св. Духа, при принесеніи разумной и безкровной жертвы по спасительной заповѣди Господа и преданію апостольскому. Отвергнувъ благодатныя средства къ устроенію жизни человѣка, лютеранство оказалось безсильнымъ сохранить христіанскія начала въ жизни нѣмцевъ. Богословская мысль образованныхъ и близко стоящихъ къ паствѣ—проповѣдниковъ-пасторовъ и совершаемое ими богослуженіе, скудное, наскучившее и прихожанамъ и пасторамъ [1]), не могли сохранить чувства вѣры, когда европейская нѣмецкая культура, основанная не на христіанскихъ началахъ, а языческихъ, отвергла не обычаи и сужденія, не имѣющія основаній въ Словѣ Божіемъ, а самыя основныя начала христіанства. Вмѣсто христіанскаго культа нѣмцы создали себѣ новый культъ, служеніе которому привело ихъ къ одичанію духовному—къ умственному и нравственному разложенію.

Оскудѣніе духовной жизни среди всѣхъ классовъ германскаго народа обнаружилось въ на-

---

[1]) Скудость и монотонность лютеранскаго богослуженія въ шестидесятыхъ годахъ возбудила среди протестантскаго духовенства мысль о томъ, какъ бы оживить и одушевить свою литургію.

чалѣ прошлаго столѣтія и было засвидѣтельствовано ихъ духовными руководителями. Въ Православномъ Обозрѣніи за 1869 годъ помѣщены были чрезвычайно интересныя письма изъ Германіи Голубкова. Эти письма изображаютъ религіозно-нравственную жизнь германскаго народа и даютъ характеристику современнаго нѣмца, ярче и полнѣе которой трудно представить. Въ началѣ этихъ писемъ приведена рѣчь, сказанная въ одномъ изъ засѣданій земскаго синода въ Штутгардѣ, членомъ его прелатомъ Капфомъ. «Прежде всего Капфъ предлагаетъ вопросы: что такое церковь и къ чему она должна стремиться. Истинная церковь, говоритъ онъ, есть Царство Божіе на землѣ; ее составляютъ избранные пастыри и святые богоугодные люди. Пастыри и проповѣдники должны созидать и устроять церковь Христову посредствомъ проповѣди и ученія. Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ исторію протестантства во времена Лютера, въ XVII и XVIII столѣтіи и переходя къ XIX, онъ изображаетъ его слѣдующими чертами. Объ охлажденіи религіозной жизни въ началѣ нынѣшняго вѣка достаточно свидѣтельствуетъ Іоаннъ Мюллеръ, мадамъ Сталь, Шиллеръ. У нашихъ консисторскихъ совѣтниковъ и чиновниковъ замерла духовная жизнь; благодаря имъ, мы до сихъ поръ продолжаемъ пѣть въ храмахъ безсодержательныя церковныя пѣсни. Небреженіе духовнымъ званіемъ, безучастіе къ трудамъ миссіонеровъ—вотъ наслѣдство, которымъ владѣетъ наше поколѣніе,—съ присоединеніемъ матеріальныхъ интересовъ, которыя въ настоящее время поглощаютъ всѣ прочія стремленія и требованія. Это матеріальное направленіе поддерживается фальшивымъ либерализмомъ, лжефилософскими сочиненіями, антихристіанскими періодическими изданіями, безнравственными романами, разсказами, стихотвореніями. Невѣріе стало сигналомъ нашего времени; антихристіанская пресса распространяетъ его все далѣе и далѣе въ народныхъ мысляхъ. Люди образованные и полуобразованные, отнимая вѣру у народа, сами не знаютъ, что дѣла-

ютъ; бѣдный народъ безъ вѣры остался не при чемъ, его нравственность въ упадкѣ, пьянство и развратъ составляютъ самую мрачную сторону его жизни. Отсюда—прогрессивно возрастающая смертность дѣтей. Нашъ народъ любитъ посѣщать трактиры и питейныя заведенія, изъ которыхъ выноситъ грубыя привычки и нравы. Страсть къ гнуснымъ удовольствіямъ сопровождается печальными послѣдствіями: драки, буйства, семейные раздоры, соблазнительныя исторіи и разныя безстыдства, даже въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, все это стали почти обыденными явленіями. Равнодушіе къ вѣрѣ, церковный индифферентизмъ, даже какая-то скотская безчувственность ко всему идеальному, замѣтны не только въ низшихъ классахъ народа, но и между, такъ называемыми, людьми образованными, даже между чиновниками и правительственными лицами».

Приведя эту рѣчь Капфа, авторъ писемъ изъ Германіи, ярко изображаетъ типъ нѣмца, останавливая свое вниманіе на одномъ, національномъ порокѣ нѣмцевъ, отмѣченномъ въ рѣчи протестантскаго пастора—пьянствѣ. «Теперь посмотримъ, что такое пьянство протестантовъ-швабовъ. За этимъ явленіемъ скрывается самый сухой эгоизмъ. Нѣмецъ расчетливъ въ самомъ кутежѣ, онъ никогда не пропивается; онъ идетъ въ шинокъ, гостиницу, трактиръ—вовсе не для того, чтобы пропить свои деньги и разстроить свое хозяйство. Онъ идетъ туда отъ нечего дѣлать, т.-е. послѣ того, какъ уже исправилъ свои дѣла. Даже въ шинкѣ онъ расчетливъ и практиченъ: онъ не поставитъ своей копѣйки ребромъ для угощенія своихъ товарищей и не напьется до самозабвенія. Но не думайте, чтобы этотъ благовидный кутежъ былъ нравственнѣе пьянства русскаго человѣка. Какъ ни мрачны картины послѣдняго, но темныя стороны перваго несравненно мрачнѣе и безотраднѣе. Не напрасно пасторы вооружаются противъ него. Не безъ основанія прелатъ Капфъ клеймитъ это явленіе позорными именами. Протестантское духовенство осуждаетъ трактирныя удовольствія своихъ прихожанъ

не потому, что они слишкомъ грязны и доводятъ до нищеты, а потому, что они уже черезчуръ постоянны, всегдашни, безнадежны. Въ этихъ удовольствіяхъ выражается самое крайнее эгоистическое и матеріалистическое направленіе нѣмца; между тѣмъ какъ пасторы все-таки считаютъ себя истолкователями Божественнаго Откровенія. Экономистъ-швабъ, пожалуй, посѣщаетъ свой храмъ довольно исправно; но онъ дѣлаетъ это какъ-то машинально, по заведенному обычаю или просто для развлеченія. Между тѣмъ всѣ его мысли заняты своимъ настоящимъ г е ш е ф т о м ъ; тутъ онъ весь погруженъ душею и тѣломъ—и если въ воскресные или праздничные дни оставляетъ свои гешефты, то это дѣлаетъ не столько по религіознымъ побужденіямъ, сколько для своего удовольствія. Побывавши на часъ въ храмѣ, гдѣ онъ съ нѣмецкимъ терпѣніемъ выслушиваетъ длинную проповѣдь пастора, да пропоетъ машинально нѣсколько стиховъ изъ своего молитвенника, идетъ онъ... Куда? Дома скучно, родственныхъ связей не уважаетъ. А между тѣмъ на каждомъ шагу попадаются ему гостиницы, рестораціи, питейные дома: тамъ пиво хорошо, здѣсь много публики. И вотъ принарядившись по праздничному, отправляется бродить по этимъ публичнымъ заведеніямъ. Всѣ эти заведенія въ праздничные дни переполнены бываютъ гуляющимъ людомъ, точно такъ же, какъ и у насъ на Руси, только съ тою разницею, что въ нашихъ питейныхъ и трактирныхъ заведеніяхъ нашъ народъ гуляетъ на распашку, съ непритворнымъ веселіемъ, тогда какъ нѣмцы въ самыхъ трактирахъ умѣютъ казаться людьми солидными, сдержанными, серьезными. Чѣмъ же занимаются эти серьезные и прилично одѣтые люди? Да ничѣмъ. Отъ бездѣлья играютъ въ карты, шашки, шахматы, на билліардѣ и т. под. Но не думайте, что эти игры были, такъ сказать, «искусствомъ для искусства». Такого удовольствія нѣмецъ не позволитъ себѣ, изъ самой игры онъ дѣлаетъ г е ш е ф т ъ и интересуется ею, когда на столѣ звенятъ деньги. Вслѣдъ за мужьями (только

порознь отъ нихъ) идутъ въ рестораціи ихъ жены и дѣти. Изъ этого краткаго очерка читатель можетъ видѣть, противъ чего пасторы возстаютъ и что они осуждаютъ въ своихъ прихожанахъ. Они возстаютъ именно противъ того эгоистическаго и крайне матеріалистическаго направленія, которое до крайности сферу духовно-нравственной жизни нѣмца ограничиваетъ его однимъ животнымъ существованіемъ и доводитъ его до того, что теперь живетъ одними воспоминаніями о своихъ великихъ мыслителяхъ и поэтахъ, устраивая въ честь ихъ памятники, праздники-юбилеи, собранія, на которыхъ приторное самохвальство доходитъ до какого-то самообожанія. Какъ видите, жизнь современнаго нѣмца—жизнь крайне ограниченная, узкая, механическая, въ которой самимъ лютеранамъ—не только пасторамъ, но и всѣмъ сколько-нибудь мыслящимъ и порядочнымъ людямъ—становится душно, жутко, больно. Вотъ какъ отзываются объ этой жизни сами нѣмцы. «Бездарныя времена! безплодные года! На нашемъ времени лежитъ какое-то проклятіе неспособности и бездарности. Въ нынѣшнемъ поколѣніи замерли благородныя чувства. Неблагодарная современная почва не производитъ ничего великаго и прекраснаго. Все это или расточено на глупую забаву толпы, или обезображено и окаррикатурено въ рукахъ сумасбродовъ, если не попало на службу властолюбивой партіи. Голосъ разочарованія слышится даже въ палатахъ государственныхъ. Вотъ что дошло до нашего слуха изъ баварской палаты, гдѣ ораторъ, горько жалуясь на современное состояніе Германіи, сказалъ: если бы мнѣ привелось послѣ смерти опять возвратиться въ этотъ міръ; то я сталъ бы молить Господа: только объ одномъ, чтобы мнѣ не родиться въ другой разъ нѣмцемъ». Не правда ли, читатель, какъ отъ этой, духовно-отжившей среды нѣмецкой, вѣетъ нравственнымъ разложеніемъ?

Авторъ писемъ изъ Германіи, основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и на рѣчи пастора Капфа,

причину мрачныхъ сторонъ религіозно-нравственнаго состоянія современныхъ ему нѣмцевъ, видитъ въ раціонализмѣ протестантства, которое предоставивъ своимъ послѣдователямъ безграничный произволъ въ толкованіи Божественнаго Откровенія, способствовало распространенію невѣрія, а съ невѣріемъ пала и нравственность. Это было писано года за полтора до франко-прусской войны. Это война обнаружила духовную сущность нѣмца и открыла выступившія въ жизни причины разложенія образованнѣйшаго народа, послѣдователя евангелическаго исповѣданія, освобожденнаго отъ преданій, не имѣющихъ основанія въ Откровеніи. Въ отношеніи къ французамъ нѣмцы въ 1870 году проявили ту же черту, какую они въ продолженіе всего своего историческаго существованія проявляли по отношенію къ родственнымъ имъ по крови славянамъ. Духовная сущность нѣмца ярко была охарактеризована однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ мыслителей-публицистовъ прошлаго столѣтія Н. П. Гиляровымъ въ передовыхъ статьяхъ его газеты „Современныя Извѣстія“. „Германія,—писалъ онъ въ самомъ началѣ войны 1870 года, — это заклятый врагъ славянства, прирожденный пожиратель славянскаго племени. Да оно и не удивительно: весь нѣмецъ самъ состоитъ только развѣ на десятую часть изъ тевтонца: вѣдь, восемь частей крови въ немъ есть славянства, девятая часть еврейства, десятая часть нѣмецкая. Но разница та, что еврея перерождаетъ въ себя нѣмецъ съ *любовію*, а славянина съ *ненавистію*“ [1]).

Эта характерная черта нѣмца—ненависть къ славянамъ, а равно и другимъ неславянскимъ народамъ, отмѣчается профессоромъ Сикорскимъ. „Нѣмцы въ теченіе всей исторіи, пишетъ онъ, и до нынѣ старались обезсиливать и истреблять славянъ вконецъ, овладѣвая затѣмъ ихъ имуществомъ и территоріей и имѣя о славянахъ оскорбительное и глубоко-неправильное мнѣніе, какъ о низшей расѣ, назначенной

---

[1]) Тяготѣніе нѣмца къ еврею обнаружилось въ жизни германскаго народа.

служить подстилкой и пищей нѣмецкому народу. Дѣйствія нѣмцевъ соотвѣтствовали этимъ грубымъ понятіямъ, которымъ не чужды государственные люди и даже нѣкоторые ученые Германіи. Такова жалкая и невѣжественная идеологія, которой отдались нѣмцы въ отношеніи къ славянамъ и которою руководились ихъ государственные люди и правители, особенно въ Германіи и Австріи. То же замѣчалось отчасти и по отношенію къ другимъ (не-славянскимъ) народамъ. Это обычный нѣмецкій пріемъ! Такимъ пріемомъ императоръ Вильгельмъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотѣлъ овладѣть у французовъ частью принадлежащаго имъ Марокко, у бельгійцевъ онъ стремился теперь отнять ихъ высококультурную страну, подобно тому, какъ Австрія отняла у Турціи Боснію и Герцоговину, у сербовъ завоеванный ими доступъ къ Адріатическому морю, который она замѣнила дорого стоющимъ путемъ чрезъ Австро-Венгрію. Объявленіе войны Сербіи въ іюлѣ прошлаго года было беззастѣнчивымъ предлогомъ для ограбленія и покоренія этой маленькой геройской страны. Приводить дальнѣйшіе примѣры значило бы повторять всю исторію германо-славянскихъ отношеній. Имя этимъ отношеніямъ: отнятіе сильнымъ у слабаго“ [1]).

Стремленіе нѣмцевъ къ всемірному владычеству создало въ сердцѣ Европы „не знающее мѣры своимъ притязаніямъ чудовище грубой матеріальной силы“, которое стремилось не только лишить свободы другіе народы, но и лишить смысла весь ходъ историческаго развитія народовъ, обратить человѣчество ко временамъ варварства, къ какому привело нѣмцевъ ихъ культурное развитіе. „Германія въ настоящемъ случаѣ—это будетъ Пруссія“, писалъ Гиляровъ въ 1870 г. И выйдетъ, что Европа столько времени жила, училась, мучилась, востокъ особенно страдалъ столько! и все это для того, чтобы поклониться прусской военщинѣ,

---

[1]) Проф. И. А. Сикорскій. Современная всесвѣтная война 1914 г. Кіевъ 1914 г.

чтобы государство, обращенное въ сплошную казарму, или сплошная казарма именующая себя національностію, стало законодательницею европейскаго материка. Веселые виды нечего сказать. Изъ-за этого не стоило переживать исторію".

Когда нѣмцы въ 1870 году покоряли и разоряли Францію, современники видѣли въ этомъ обычное въ исторіи явленіе—побѣду болѣе сильнаго государства надъ слабымъ съ свойственными въ войнѣ проявленіями жестокости къ врагу, но не обратили вниманія на характеръ жестокости нѣмцевъ. Проницательный умъ русскаго публициста обращалъ вниманіе современниковъ на характерную черту *чистаго* нѣмца, какую онъ проявлялъ во время своего побѣдоноснаго шествія по Франціи. „Нужно отдать справедливость и нѣмцамъ; они пользуются правомъ сильнаго съ бездушіемъ, достойнымъ Тамерлана. Впрочемъ нѣтъ; въ дикой отвагѣ древнихъ татаръ была тоже душа, была безкорыстная доля служенія нравственному идеалу, по своему понимаемому. „Удаль", вотъ какъ называется это русскимъ словомъ. А у чистаго нѣмца не то. Онъ можетъ быть безкорыстно безчеловѣченъ. Онъ способенъ внести утонченность въ безчеловѣчное дѣйствіе изъ любви къ самому дѣйствію, безъ отваги и цѣли. Къ дѣяніямъ, даже возмущающимъ нравственное чувство, онъ относится священнодѣйственно, исполняетъ педантически, совершенствуя способы до послѣднихъ предѣловъ, забывая цѣль, которою извиняется возмутительное дѣйствіе, гордясь независимостью отъ всего, логическою послѣдовательностью въ выполненіи, хотя выполняемое было гадко по существу. Это и священнослужитель и ремесленникъ, въ тоже время, религіозное отношеніе къ ремеслу, короче священнодѣйствующій мастеръ".

Въ бездушномъ врагѣ, вносящемъ утонченность въ безчеловѣчное дѣйствіе изъ любви къ самому дѣйствію, совершающемъ это дѣйствіе съ характеромъ религіознаго служенія виднѣется нежестокій врагъ, не первобытный свирѣпый дикарь, а какой-то сек-

тантъ, служитель новаго культа, къ которому привела нѣмецкая культура, отрекшаяся отъ христіанства [1]).

Этотъ новый религіозный культъ былъ служеніемъ идолу, котораго создала не знавшая мѣры національная гордость нѣмцевъ *съ фанатическимъ религіознымъ почитаніемъ своего, нѣмецкаго*, и презрительнымъ отношеніемъ ко всему чужому не нѣмецкому. Такимъ идоломъ для нѣмца стало нѣмецкое государство, выше котораго нѣтъ, призванное первенствовать надъ всѣми. Почему первенствовать—на этотъ вопросъ не могъ дать отвѣта и нѣмецъ,—потому что превращеніе государства въ земного бога было проявленіемъ безумія, овладѣвшаго нѣмцами. Религіозное почитаніе государства, почитаніе его матеріальной силы, бронированнаго кулака является самою грубою формою идолослуженія. Характерныя черты этого идолослуженія ярко отмѣчены въ статьѣ кн. Е. Трубецкаго: „Что съ ними сдѣлалось“ [2]). „Насъ, русскихъ, поражаетъ въ Германіи одна черта, которая бросается въ глаза тотчасъ по переѣздѣ черезъ границу: это всестороннее господство цѣлаго надъ личностью, суровое властвованіе надъ нею государства и благоговѣйное, почти религіозное отношеніе личности къ государству“. „Почитаніе государства, говоритъ Е. Трубецкой, сдѣлалось второю природою нѣмца. И благодаря историческимъ условіямъ, среди которыхъ онъ жилъ въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, эта наклонность приняла преувеличенныя уродливыя формы. Нѣмецкое государство есть государство побѣдоносное: вслѣдствіе этого оно стало для нѣмца идоломъ, земнымъ богомъ. Одно изъ наиболѣе раздражающихъ путеше-

[1]) Въ одной газетѣ сообщается: „Не такъ давно нѣмецкій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ провозгласилъ о готовности германцевъ заключить союзъ съ самимъ дьяволомъ, если по теченію событій въ этомъ будетъ надобно. Наблюдающіе европейскую войну уже съ первыхъ дней ея могли замѣтить, что нѣмцы и начали ее, заручившись союзничествомъ ада, ибо не только христіанское, но и человѣческое вообще сознаніе отказывается усмотрѣть въ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ хоть проблескъ человѣчности. О томъ, что они—христіане, нѣмцы позабыли, очевидно, много раньше заключенія союза съ турками“. Прих. Листокъ, № 18.

[2]) „Русскія Вѣдомости“, 1914 г., № 278.

ственника впечатлѣній въ Германіи, это встрѣчающіяся на каждомъ шагу напоминанія объ одержанныхъ побѣдахъ: то „башня побѣды“, то „статуя побѣды“, то „галлерея побѣды“, то „аллея побѣды“, то просто „памятникъ побѣды“—вотъ что все время пестритъ у васъ въ глазахъ. Нетрудно понять, что получается въ результатѣ этого сочетанія гипноза государства съ гипнозомъ побѣды.

Это государство прославило нѣмца, превознесло его выше всѣхъ народовъ. Какъ же ему не обожать своего государства, какъ не вѣрить въ него! Извнутри сопротивленіе такому государству невозможно. Не угрожаетъ ли ему какой-нибудь нарушитель порядка извнѣ. Нѣтъ и тутъ дѣйствуетъ автоматически благоустроенный порядокъ, разъ навсегда заведенный Бисмаркомъ, утвержденный и укрѣпленный двумя Вильгельмами. А въ случаѣ нападенія всегда найдется у государства Круппъ и Мольтке для защиты. Не дядя, такъ племянникъ! И въ результатѣ—опять охватъ непріятельской арміи, опять Седанъ, опять взятіе Парижа. Для врага внѣшняго изъ глазъ кайзера сверкаютъ тѣ же молніи, какъ и для врага внутренняго. Такова та духовная атмосфера, о которой сказалъ Ницше: „Германія отъ побѣдъ поглупѣла“. Превращеніе государства въ земного бога—одна изъ самыхъ грубыхъ формъ идослуженія; поэтому неизбѣжнымъ результатомъ ея является то общее пониженіе уровня духовной жизни, которое замѣчается въ Германіи за послѣднее полустолѣтіе. Оно проявляется въ общей матеріализаціи всѣхъ жизненныхъ интересовъ, въ общемъ обезличеніи [1]) и въ упадкѣ творчества по всей линіи“.

Почитаніе государства какъ земного бога, какъ центра всей духовной жизни, возможно и проявляется

---

[1]) Характерную черту этого обезличенія кн. Е. Трубецкой указываетъ въ томъ, что у насъ люди именуются своимъ идивидуальнымъ именемъ и отечествомъ, а у нѣмцевъ наименованіемъ чина и должности Такъ же, какъ мы говоримъ Иванъ Петровичъ, Анна Ивановна, нѣмцы говорятъ господинъ помѣщикъ, госпожа майорша, господинъ титулярный совѣтникъ, госпожа почтовая чиновница.

въ жизни людей только тогда, когда Богъ забывается, превращается въ нѣчто мысленное, въ голое понятіе, при чемъ религіозныя чувства и религіозное отношеніе къ Богу переносится къ тѣмъ земнымъ богамъ, идоламъ, какіе созидаетъ гордость человѣка. Гордость привела нѣмцевъ къ обоготворенію своего нѣмецкаго государства, какъ жизненному проявленію силы и могущества культурной дѣятельности человѣка, направленной на устроеніе его земного благополучія. Когда человѣкъ, въ гордомъ сознаніи совершенства своихъ силъ, признаетъ себя творцемъ своей жизни, то онъ не даетъ мѣста въ устроеніи своей жизни силамъ божественнымъ, восполняющимъ несовершенства естественныхъ силъ человѣка. Обожаніе могущества и совершенства человѣческихъ силъ, созидающихъ матеріальную культуру, вело неизбѣжно къ отрицанію христіанства въ самой его основѣ, къ отрицанію основного догмата лютеранства: человѣкъ спасается не своими силами, но благодатію. Лютеранская догматика, запутывшаяся въ противорѣчіяхъ отвлеченной и отрѣшенной отъ жизни мысли, не могла сохранить начала христіанства въ жизни потому, что отвергла жизненное проявленіе силы божественной въ культѣ и тѣмъ способствовала полному разрыву между человѣческимъ и божественнымъ, къ затемнѣнію въ человѣческомъ сознаніи божественнаго лика Богочеловѣка, пришедшаго въ міръ соединить земное и небесное, человѣческое и божественное. Культурное развитіе нѣмцевъ привело ихъ къ язычеству, сущность котораго опредѣлена Апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ (Рим. 1, 18, 21).

Новые культурные язычники, подобно древнимъ, подавили истину неправдою, они хранили Бога въ отвлеченіи мысли и отвергли въ жизни, создавъ себѣ земныхъ боговъ. Зная Бога, они не прославили Его, какъ Бога устрояющаго жизнь человѣка, не возблагодарили въ установленномъ Самимъ Богомъ религіозномъ служеніи, какъ нормѣ, по которой должна быть устроена вся жизнь человѣка, но издали культъ осуетившагося ума и неразумнаго омраченнаго сердца.

Дѣятельность ума, поставившаго цѣлію жизни не служеніе Богу, а устроеніе земныхъ средствъ земного благополучія, размѣнялась на мелочи и временнымъ условнымъ формамъ жизни придала значеніе безусловныхъ цѣнностей. Односторонняя дѣятельность ума, направленная исключительно на устроеніе земного благополучія омрачила сердце и неразумное сердце отреклось отъ своего Первообраза и создало культъ служенія сверхчеловѣку, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго, а выступаетъ звѣрь [1]).

„Мы переживаемъ величайшую войну, пишетъ профессоръ А. И. Сикорскій, когда-либо бывшую—войну богатую событіями и еще болѣе богатую причинами и мотивами, смыслъ и значеніе которыхъ лишь постепенно раскрываются. Это война противъ войны, эта борьба съ атавистическимъ возвратомъ людского одичанія, которое предсказано было Спенсеромъ". Въ войнѣ, когда вмѣстѣ съ крайнимъ напряженіемъ силъ физическихъ происходитъ напряженіе силъ духовныхъ, когда ярко выступаетъ духъ народный, ясно обнаружилось духовное вырожденіе нѣмцевъ.

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ этого вырожденія является полное извращеніе нравственнаго, заложеннаго въ природѣ человѣка, начала, въ полной

---

[1]) Въ многочисленныхъ газетныхъ сообщеніяхъ о звѣрствахъ нѣмцевъ насъ поражаетъ какая-то безсмысленная, не оправдываемая цѣлями войны, жажда нѣмцевъ къ истязанію своихъ враговъ, жажда ихъ крови, страданій. Отсутствіе въ современномъ нѣмцѣ человѣческихъ чувствъ, есть крайнее проявленіе эгоистическаго, ограничивающаго животнымъ существованіемъ, матеріалистическаго направленія жизни нѣмцевъ. Христіанское ученіе о любви къ ближнему пало на каменистую почву нѣмецкой души. Нѣмецъ „эгоистъ до мозга костей" и какъ крайній эгоистъ недоступенъ человѣческимъ впечатлѣніямъ и склоненъ къ проявленію животныхъ стремленій человѣческой природы. Глубокомысліе нѣмца, его устойчивость, выдержка воли, предъ которыми мы преклонялись, не спасли его отъ звѣрства потому, что атрофированъ былъ центръ духовной жизни—сердца. Въ настоящую войну нѣмецъ выступилъ какъ больной человѣкъ, распространяющій заразу нравственнаго разложенія сердца. Духъ великихъ германскихъ мыслителей и поэтовъ исчезъ и замѣнился тѣмъ разлагающимъ природу человѣка духомъ, какой порождаетъ безрелигіозная матеріалистическая культура.

безсовѣстности, въ способности лгать и обманывать до цинизма. Въ современной Германіи создалась удушливая атмосфера лжи, не меньше той, которая царила среди іудеевъ въ времена Спасителя, глубоко возмущала Его кроткое сердце потому, что эта ложь была сознательнымъ уклоненіемъ отъ правды, исполненіемъ воли отца лжи вопреки требованіямъ совѣсти и разума. Цѣлая система лжи усиленно практикуется правителями и вождями нѣмецкаго народа не въ отношеніи къ нѣмцамъ, что бы держать ихъ въ туманѣ лжи. Господство лжи измѣнило нѣмца и онъ пересталъ быть тѣмъ, какимъ мы его знали прежде.

Нѣмецкую честность и порядочность въ отношеніи къ людямъ, какую мы всегда чтили въ нѣмцѣ и онъ самъ чтилъ въ себѣ, лукавая совѣсть современнаго нѣмца признала качествами условными и по отношенію къ врагамъ ненужными. Ложь, противная требованіямъ правильнаго мышленія, той логической послѣдовательности, которую нѣмецъ проявлялъ въ своихъ поступкахъ, обнаружили въ немъ съ извращеніемъ сердца и развратъ ума [1]). Вытравленію нравственнаго начала среди нѣмецкаго народа немало способствовали великіе государственные мужи Германіи, предъ которыми преклонялся народъ. Знаменитый Бисмаркъ показалъ примѣръ не останавливаться ни предъ какими препятствіями, которыя внушаются нравственною добросовѣстностію и требованіями здраваго разума.

Кромѣ указанныхъ въ статьѣ кн. Е. Трубецкаго признаковъ пониженія уровня духовной жизни нѣмцевъ—матеріализаціи жизненныхъ интересовъ, обезличеніи, упадкѣ творчества по всѣмъ линіямъ—философіи, наукѣ, искусствѣ, обозначился и другой признакъ вырожденія, положившій предѣлъ нѣмецкому генію.

---

[1]) Нѣмецкія власти отказались изслѣдовать оффиціально доказанныя факты звѣрства нѣмецкихъ солдатъ на томъ основаніи, что эти факты происходили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Логическая, свойственная нѣмцамъ, послѣдовательность, должна ихъ привести къ закрытію всѣхъ судебныхъ учрежденій, разбирающихъ преступленія спустя долгое время послѣ ихъ совершенія.

Свободный, независимый въ своей дѣятельности, нѣмецкій духъ погрузился въ мертвое старообрядство, которое препятствуетъ развитію духовной жизни народа. Рабское поклоненіе предъ внѣшностію, предъ внѣшними формами жизни, лишеннаго духа жизни, поклоненіе предъ вещами, подавляющее свободу духа—въ связи съ національною исключительностію нѣмцевъ, отчужденіемъ отъ другихъ народовъ поставило мертвую точку, сдвинуть которую нѣмцы своими силами не могутъ. Подавивъ у себя свободу, чудовищное тѣло германскаго народа, лишенное души, движимое расовыми инстинктами древнихъ германцевъ, хочетъ задушить въ своихъ мертвыхъ объятіяхъ и другіе народы.

Къ вѣрѣ въ Бога, живаго и личнаго Творца и Промыслителя міра, любящаго созданія Свои призываетъ настоящее время, но не къ вѣрѣ въ древняго Бога, о которомъ любитъ напоминать своимъ подданнымъ кайзеръ Вильгельмъ. Вильгельмъ заявившій себя ревностнымъ послѣдователемъ евангелической церкви, въ своихъ проповѣдяхъ усиленно старавшійся привить христіанскія мысли и чувства, дозволяетъ своей арміи разрушать христіанскіе храмы, осквернять христіанскія святыни, мучить и убивать служителей христіанскаго алтаря.

Благочестивыя мысли, и чувства, и дѣйствія совершенно противныя этимъ мыслямъ и чувствамъ вотъ отреченіе отъ христіанства, скрытое подъ покровомъ понятій, заимствованныхъ изъ системы христіанскаго богословія, но обращенныхъ только въ красивыя слова. Древній богъ кайзера, способный принимать свойства и Бога чтимаго христіанами и Бога, чтимаго магометанами есть голое понятіе, а не Богъ явившійся во плоти, явившій Себя въ живомъ образѣ Богочеловѣка, Бога милости, щедротъ и человѣколюбія. Служеніе этой идеи, какъ Богу, соединенное съ безсмысленною идеей всемірнаго владычества посредствомъ крови и желѣза есть проявленіе овладѣвшаго націей безумія, служенія Люциферу, въ которое способны впадать люди, когда разорвавъ связь съ небомъ, ниспадаютъ

въ область тьмы, ослѣпляющей глаза, по слову Апостола, не дѣлающихъ правду и не любящихъ брата своего.

Народный смыслъ назвалъ современную войну священною. Она священна потому, что есть борьба царства добра и правды противъ царства зла и лжи, царства божественной жизни на землѣ противъ царства духовной смерти, царство свободы противъ новаго рабства, уничтожающаго дарованную во Христѣ свободу и достоинство человѣческой личности. Промысломъ Божіимъ русскому народу предназначено послужить исполненію прошенія, съ какимъ мы постоянно обращаемся къ Небесному Отцу: да пріидетъ царствіе Твое, и повторяя слова молитвы Господней, да будетъ воля Твоя, наше доблестное христолюбивое войско мужественно идетъ исполнять возложенное на него волею великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа служеніе.

неба ласку
е...

І. Евфимій.